

«Мыслимы только договоры между гражданами»

А. А. Карелин о государстве и его анархо-коммунистической альтернативе

Видный деятель российского анархистского движения Аполлон Андреевич Карелин (1863—1926)¹ оставил многоплановое и разножанровое творческое наследие: он работал как политический публицист, не чужды ему были экскурсы в жанр исторической биографии («Михаил Александрович Бакунин. Так говорил Бакунин»), в правоведение («Закон, его сущность и значение для общественной жизни»), в драматургию (пьесы «Анархисты», «Сцены из жизни Великого Новгорода», «Поморцы» и др.), в политэкономия (есть сведения, что он написал по этой проблематике объемный труд, который так и не был опубликован). Немало времени и сил он положил на разработку теоретических проблем революционного анархизма, продолжая дело своих выдающихся предшественников М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина.

Анархо-теоретический пласт творчества А. А. Карелина представлен большим количеством книг и статей, наиболее основательными из которых являются «Государство и анархисты» (1918) и «Что такое анархия» (1923). Первая из них представляет собой критический обзор роли государства в общественной жизни, а также полемику с государственниками разных направлений; вторая включает описание антигосударственной социальной альтернативы.

САПОН Владимир Петрович — профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина, доцент, доктор исторических наук.

Ключевые слова: государство и его анархистская альтернатива, анархо-коммунистическая доктрина, А. А. Карелин.

¹ Аполлон Андреевич Карелин примкнул к революционно-освободительному движению в марте 1881 года. В своей идейно-политической эволюции прошел путь от приверженца идей революционного народничества до видного организатора и теоретика российского анархо-коммунистического движения. В июле 1918 года на V Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов был избран от анархистов в высший орган Советской власти — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). В этом же году стал одним из организаторов и лидеров Всероссийской Федерации Анархистов-Коммунистов (ВФАК). В последние годы своей жизни сочетал роли публичного общественного деятеля и лидера тайного сообщества анархо-мистиков. Подробнее о нем см.: Сапон В. П. Русский либертариан А. А. Карелин // Отечественная история. 2008. № 2. С. 160—169; Он же. Аполлон Андреевич Карелин: очерк жизни. Н. Новгород, 2009.

«Государство и анархисты»

В карелинской брошюре «Государство и анархисты» мы встречаем традиционный для российской анархистской политологии комплекс идей и концептов. Государство, утверждает автор, — это антагонистическое общество, существующее в определенных территориальных границах, где правители, обладающие принудительной властью, «принимают те или иные решения, заставляя подвластных угрозами насилия и мучений подчиняться таким решениям и мучают или приказывают мучить неповинующихся»². Правители используют власть исключительно в собственных интересах, а также в интересах капиталистов, землевладельцев и прочих социальных сил, на которые они опираются (см. *И. С. 5, 56, 59*). Государство никогда не являлось союзом свободных людей, оно возникло в результате завоевания одних народов другими и является результатом и инструментом перманентного насилия (см. *И. С. 5, 12, 32–34, 92*).

«Вся деятельность государства., — продолжает А. А. Карелин, — есть деятельность правительства» (*И. С. 4*). Вслед за М. А. Бакуниным и П. А. Кропоткиным Аполлон Андреевич отвергает социальную полезность и прогрессивность государственности как таковой, а не только определенных, не вполне эффективных типов правительства (см. *И. С. 21*). Не делает он исключения и для нового типа государства — советского (см. *И. С. 28*). «До настоящего времени все государства были заняты тем, что предоставляли эксплуататорам право распоряжаться продуктами чужого труда, а сделавшись собственником средств производства, любое государство захватит это право себе, а так как “государство — это правители”, то в социал-демократическом антагонистическом обществе произойдет только замена одних эксплуататоров другими» (*И. С. 86*).

В привычном для анархистской теоретической мысли ключе А. А. Карелин описывает и структуру государства. Правящая элита состоит из нескольких групп — законодателей, чиновников и судей; причем данное разделение ветвей государственной власти на самом деле не ограничивает, а усиливает власть правителей — «как разделение труда усиливает его производительность» (*И. С. 14*). Кроме того, на жаловании у правительства находятся: учителя, духовенство, сборщики податей, служащие армии, полиции, чиновники более низких уровней и т. д. (см. *И. С. 15, 37*). Понятно, что все эти служители государства не пользуются симпатией анархо-теоретика, поскольку «тупость и невежество, самодурство и дрессировка манер, а если опыт, то разве только в деле обирания и порабощения других людей — таковы качества, присущие этим лицам» (*И. С. 70*). Особенно же хлестко автор обличает (на пяти страницах!) служителей Фемиды: по его выражению, судьи являются «презренными людьми», «подстрекателями палачей, тюремщиков и других насильников», «породой зверья», «первыми негодьями на всем земном шаре» (см. *И. С. 17, 18*).

Государственность может существовать на протяжении многих столетий лишь благодаря сложной системе «институтов насилия и силы государства», причем здесь важную роль играют не только устрашение, подкуп и наличие

² Карелин А. Государство и анархисты. М.: Бунтарь, 1918. С. 3. Далее все ссылки на это издание даются в тексте курсивом под номером I (*Примеч. ред.*).

определенных инструментов насилия, но и *гипнотизирование* народа (см. I. С. 35, 36). Далее автор уточняет, что не только насилие является цементирующей силой государственной жизни, но и некие «институты лицемерия», то есть то, что сейчас назвали бы механизмами и средствами манипуляции общественным сознанием. «Правители сильны своей организацией, сильны тем, что умело заставляют служить себе и часть угнетенного большинства, гипнотизировав и терроризировав последнее.

Правительство сильно монотонным однообразием жизни угнетенных масс населения и вытекающей отсюда их способностью поддаваться хотя бы и нелепым, но повторным внушениям.

Правительство сильно тем умственным развратом, который систематически сеется учителями среди молодого поколения, той ложью, которой, под именем науки, забивают головы, убеждая людей, что невозможно устроиться на безгосударственных началах.

...Правительство сильно гипнотизирующей народ прессой, неустанно на разные лады повторяющей ложь о необходимости власти. Оно сильно учеными, твердящими, что принудительная власть не может быть уничтожена. Оно сильно интеллигентами, которым очень недурно живется в государствах. Оно сильно партиями, в том числе и социалистическими, мечтающими о том, что их вожди займут места правителей и законодателей, или выдвинувшими таких вождей на эти посты...» (I. С. 37—38).

Карелин имел возможность на достаточно высоком политическом уровне — в качестве члена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) — наблюдать за эволюцией нового типа государственности, Советской республики, поэтому, уделяя определенное внимание критике добуржуазных и буржуазных политических режимов и обильно при этом цитируя Михаила Бакунина, Льва Толстого и Петра Кропоткина, он все-таки главный обличительный пафос направляет на государственную теорию и практику марксистов.

При этом Карелин вовсе не стремится прослыть крайним марксистом, разбавляя достаточно жесткую риторику компромиссными высказываниями. В частности, он готов был допустить, что за стремлениями последователей К. Маркса к сохранению государства нет корыстных мотивов. «Для более серьезных государствоведов последнего времени, — отмечает анархо-теоретик, — отнюдь не тайна, что государственная машина, выгодная для одной части населения, признается другою частью только “по привычке”. Рабами этой привычки являются и социал-демократы»³. Несколько более благоприятная ситуация в России, где «не только у большевиков-рабочих, но и у таких вождей этой партии, как Ленин, вырываются иной раз чисто анархические фразы... Социал-демократия левеет в моменты революционного подъема; левеют ее более мужественные члены, главным образом рабочие, а иногда и ученые» (I. С. 82—83). Еще более лояльно по отношению к «партии власти» Аполлон Андреевич высказывался в публичных выступлениях с трибуны ВЦИК.

Лидер ВФАК подвергает сомнению базовое марксистское положение о классовой основе происхождения государства. По оценке анархиста, «это

³ Это тем более понятно, что устойчивые «рабовладельческие инстинкты» у одних людей дополняются манией величия и стремлением к власти у других (см. I. С. 81).

мнение провозглашается, но не доказывается. Оно является гипотезой, имеющей против себя громадный исторический материал, который указывает, что государство явилось результатом завоевания-набега-насилия, а не внутренней классовой борьбы. Более чем вероятно, что и классов не было до таких завоеваний. Во всяком случае, в подтверждение названной гипотезы не приводится никаких фактов» (I. С. 34). По Карелину, «именно насилие создало классы, а не классы создали насилие, которое некоторые из них постоянно поддерживали. Правители всегда были и остались насильниками, хотя в последнее время они перепутались с богатыми и часто перепутывались с ними и в более ранние периоды истории» (I. С. 35).

Любое государство является формой общежития антагонистических классов, поэтому, вопреки марксистским прогнозам, «социал-демократическое государство» также будет инструментом управления одних классов другими — «богачи-рантье» исчезнут, но чиновники и интеллигенты все равно останутся (см. I. С. 71—72). Вместо «пролетарского» государства будет существовать «интеллигентно-кратическое» государство (см. I. С. 89), еще более опасное для трудящихся в силу своего всеобъемлющего характера. «Распространение государственной принудительной власти на область производства и распределения создаст новый вид экономического рабства, быть может, и нужный для того, чтобы доказать пригодность диалектического квазинаучного метода марксистов (рабство, отсутствие рабства, усовершенствованное рабство), но вредный для общежития» (I. С. 74). В социально-политической сфере «народное управление» будет представлять все те же подданнические отношения подавляющего большинства населения по отношению к привилегированному меньшинству (см. I. С. 87).

В этом контексте аналитик-анархист отвергает эффективность таких уже воплощавшихся на практике в Советской республике средств достижения социализма, как национализация промышленности и транспорта, дифференциация заработной платы рабочих, увеличение количества чиновников, неравенство доходов и т. п. (см. I. С. 76, 78, 79, 74). Все эти меры, полагает А. А. Карелин, ведут не к *рабочему*, а *господскому* социализму, точнее — к государственному капитализму, который «так же вреден для интересов рабочего класса, как и строй капиталистический» (I. С. 79). Разрыв между представлениями о социалистической цели между верхами и низами общества может иметь трагические последствия: «...масса энергии израсходуется на это (на созидание “господского” социализма или “новогосударственного” капитализма. — В. С.), как расходовалась на политические перевороты», и, «попав в цепкую паутину новогосударственного капитализма, рабочие с большим еще трудом, чем теперь, смогут реорганизоваться на началах социализма рабочего» (I. С. 82).

Лидер большевистской партии и глава советского правительства В. И. Ленин подчеркивал, что революционному уничтожению подлежит буржуазное государство, «пролетарское» же государство может лишь отмереть, исчезнуть эволюционным путем (см. I. С. 88). На самом же деле, утверждает Карелин, «вся деятельность современных социал-демократов, вся программа их будущей организации являются порукой, что их государство не будет тяготеть к самоуничтожению» (I. С. 87). В связи с этим актуальность приобретает проблема *революционного* штурма новорожденного государства, которое является «страшным угнетателем и эксплуататором народных, в том

числе и пролетарских, масс» (I. С. 88). «Если запас потенциальной революционной энергии достаточен, то оно может быть сметено тотчас же после уничтожения буржуазного государства или одновременно с его уничтожением», — заявляет лидер ВФАК, тем самым фактически формулируя лозунг перманентной анархистской революции (I. С. 89).

В заключительной части брошюры «Государство и анархисты» Карелин тезисно формулирует анархистскую альтернативу «господскому социализму», в частности, и государству вообще — вольные объединения индивидов на локальном и глобальном уровнях; «место принудительного государственного права должно занять право текущего, в процессе жизни творимого обычая, право народное, вольное, договорное, право совести, право, считающееся с данным временем и с данной средой, и прежде всего право взаимопомощи и солидарности» (I. С. 93).

«Что такое анархия»

В этой книге А. А. Карелин дает дальнейшее развитие своей концепции о решающей роли *насилия* в истории формирования человеческого общества. По его справедливому замечанию, «насилие появилось давно»: «Его корень приходится искать в попытках мужчины овладеть женщиной, причем последняя не всегда шла навстречу таким попыткам., в борьбе двух мужчин из-за женщины, в защите от зверей, а позднее в охоте за последними. Таким образом подготавливалась почва для нападения на людей мужчин»⁴.

Вполне реалистичными мазками А. А. Карелин описывает *естественные* причины существования насилия в человеческих общежитиях с незапамятных времен, однако, когда речь заходит о формировании политических форм жизни общества, чувство объективности начинает изменять анархо-теоретику. Так, выясняется, что именно из указанных выше «насильников-захватчиков» со временем появляются «правители», которые под карелинским пером становятся похожими на инопланетян, высадившихся на планету Земля с агрессивными намерениями. «Все это насильники-правители, вторгнувшиеся в мирное общежитие равных и свободных людей. Все они всегда, но без чего-либо похожего на серьезное основание, выдавали себя за организаторов без них сложившегося общежития, все они утверждали, что без них невысказанно существование общества и все лгали» (II. С. 9).

«Насильники-победители», опирающиеся на соответствующие институты принудительной власти, помешали обществу раскрыть свой созидательный потенциал на основе принципов солидарности и самоуправления, на многие тысячелетия задержали исторический прогресс (см. II. С. 33). Эти же пороки характерны и для современных государств. «Всякое государство, — утверждает автор брошюры, — хотя бы оно было и республикой с социалистическим правительством во главе, придерживается старинных вред-

⁴ А. Карелин. Что такое анархия. М.: ВФАК, 1923. С. 9. Далее все ссылки на это издание даются в тексте курсивом под номером II (Примеч. ред.).

Продолжая тему, Аполлон Андреевич выходит из рамок прикладной политологии на философские просторы: анархисты, утверждает он, отрицают не только государственную власть правителей над подданными, но все виды принудительной власти: власть мужа над женой, родителей над детьми, «хозяев», то есть капиталистов и землевладельцев, над работниками (см. II. С. 4).

ных учреждений — власти и собственности. Поэтому-то всякое государство консервативно. И современное Российское государство укрепляет власть, хотя его правители искренне говорят об анархизме как о следующем этапе освобождающегося человечества.

И современное государство именно потому, что оно, государство, сохраняет и не может не сохранить податную эксплуатацию человека человеком. Оно сохраняет собственность на средства производства и тогда, когда берет промышленные заведения из рук частных предпринимателей в собственность Российской республики. Казенные заводы казенными заводами и останутся, отнюдь не являясь общенародным достоянием. И современное государство своей опекой над подвластными ослабляет самодеятельность, возбуждает ложные надежды, так как переустройство общежития на вольных социалистических началах посылно только миллионам голов и рук, а не властелинам, всегда бессильным в деле творчества» (II. С. 35—36).

В противовес такой организации общества А. А. Карелин выдвигает идеал «разумно сложившегося», то есть анархического, общежития: «Благодаря отсутствию принудительной власти, анархия есть совершеннейший порядок, полное спокойствие, справедливость, единение, содружество, взаимопомощь, сострадание, даже самопожертвование в их самых красивых проявлениях» (II. С. 4)⁵.

От общих «партийных» деклараций автор переходит к конструированию конкретного образа анархо-коммунистического общества и перечисляет следующие его социальные параметры:

— это сообщество состоит из совокупности вольных объединений свободных людей, причем речь идет не только о немногочисленных коммунах, как полагают оппоненты анархистов, но и о многомиллионном населении нынешних департаментов и штатов (см. II. С. 40—42); более того, «современной анархической коммуной будет коммуна, охватывающая весь земной шар, причем, чем больше коммуна, тем лучше» (II. С. 42, см. также С. 53);

— в анархо-коммунистическом обществе не будет никакого подобия элиты («организаторов-правителей», «порабощающего начальства»), в том числе и организаторов «социалистического» производства (см. II. С. 31); «основываясь на строго научных данных, анархисты-коммунисты рассчитывают на творчество масс, а не на обычную бестолковую и пагубную деятельность так называемых вождей» (II. С. 33);

— социально-политическое устройство анархической коммуны будет близко к устройству вольных городов и селений прежних времен; вольные города образуют между собой федеративные союзы, а также объединятся с окружающими их сельскими общинами (см. II. С. 46, 48);

— жители вольных городов по своему почину организуют разного рода ассоциации и общества для удовлетворения своих экономических, культурных и прочих потребностей; члены этих союзов решают все вопросы на сходах, причем в случае отсутствия единогласного мнения большинство и меньшинство имеют полную свободу поступать по своему усмотре-

⁵ Еще один вариант определения анархии по Карелину: «Анархия — это такое общество, в котором нет правителей, нет принудительной власти, нет управления человека человеком, нет тех мук, на которые отдают своих подданных правители за то, что первые не повинуются приказам последних» (II. С. 3—4).

нию («вольным — воля»); сходы выбирают из своей среды на короткий срок исполнителей для решения определенных задач, причем эти люди находятся под постоянным контролем своих избирателей и не имеют никакой принудительной власти (см. II. С. 49, 50);

— в рамках переходного периода — для защиты от врагов анархического строя — в вольном городе будет существовать «войско самообороны», сформированное из добровольцев, а также милиция, то есть городское ополчение, в которое войдут все здоровые граждане в возрасте от 17 до 45 лет; часть командиров для милиции предоставит армия, кроме того, сами милиционеры будут выбирать городских военных комиссаров; армии вольных городов и селений вступают в федеративный союз для защиты анархического общежития (см. II. С. 50, 51);

— в этом обществе отсутствует капиталистическая эксплуатация и по-датное обложение населения государством; все граждане «добросовестно, по мере своих сил, участвуют в общественном труде и все равно участвуют в пользовании продуктами этого общественного труда» (II. С. 5); «равной с другими людьми долей дохода каждый человек будет пользоваться таким образом, как это ему заблагорассудится», но при этом он не должен наносить таким пользованием ущерба другому (см. II. С. 23, 27); уравнительное распределение материальных благ по потребностям распространяется не только на работающих, но и на стариков, инвалидов, больных и т. д. (см. II. С. 57);

— все средства производства и плоды производственной деятельности принадлежат всем, являются общим достоянием (см. II. С. 21); «частная собственность на вещи или собственность, государственная или собственность какой-либо группы людей, хотя бы и синдиката, по существу ничем не отличаются одна от другой и все равно неприемлемы анархистами-коммунистами» (II. С. 24);

— в анархических коммунах (вольных городах) не будет места каким бы то ни было законам, «мыслимы только договоры между гражданами, мыслимы советы — указания инициативных групп, советы, не имеющие за собой принудительной силы»; там не будет чиновников, так как «все без исключения дела, затрагивающие общие интересы, будут обсуждаться и решаться самими жителями города» (II. С. 48, 49);

— «конечно, в коммунистическом обществе нет преступлений против собственности, нет и многих других преступлений», даже совершенных, например, в порыве ревности; впрочем, на начальном этапе постгосударственной жизни «самозащита» общества не отрицается, но, по прогнозу А. А. Карелина, этот период надолго не затянется в силу неизбежного роста общего уровня нравственности в среде вольных общинников (см. II. С. 8, 9);

— вольные города возьмут под свое попечение образовательные учреждения, предоставив вузам автономию; «свои библиотеки, музеи, картинные галереи, театры, кинематографы и прочее] Вольный город делает общедоступными» (II. С. 52—53).

* * *

С большей или меньшей степенью детализации планы созидания безгосударственнических отношений в обществе уже разрабатывались выдающимися предшественниками Карелина, однако Бакунин и Кропоткин (если не брать

в расчет завершающего этапа жизни последнего) были уверены, что анархия наступит вскоре после решительного революционного разрушения полупфеодалных и буржуазных государств, для чего, по их убеждению, созрели все материальные и духовные предпосылки. Лидер анархистской фракции ВЦИК занимался анархо-футурологией в совершенно иной обстановке — уже был заложен фундамент нового, «социал-демократического» государства, которое как будто не стало по-настоящему социалистическим, так как сохранило власть людей над людьми, но в то же время не было и буржуазным.

В России, писал Аполлон Андреевич, «прошла политическая революция с некоторым уклоном в сторону революции социальной» (II. С. 59). Исходя из этих исторических обстоятельств, либертарный политик попытался найти оптимальный путь перехода от «пирамидальной организации» к вольному социализму. Надо сказать, что задачу эту А. А. Карелин так и не сумел решить, даже на теоретическом уровне.

Социал-демократы внушают мысль, что после демонтажа буржуазного режима и прихода к власти «организаторов социалистического государства» нет никакой необходимости в новой масштабной революции, «мыслимы только малые революции (то есть политические перевороты. — В. С.) для смены неспособных справиться с данной техникой организаторов новыми организаторами, способными организовать людей в соответствии с требованиями новой техники» (II. С. 32). Анархисты, по мысли Карелина, в этом вопросе кардинально расходятся с большевиками, хотя вовсе не являются фанатиками революции: «если государство, в силу каких-либо невыясненных и нам неизвестных законов, отомрет, а не будет сброшено революционным взрывом, то тем лучше» (II. С. 42). Один из вариантов такого мирного изживания социалистического государства — всенародный бойкот, предложенный «анархистом-коммунистом» Львом Толстым как мера противодействия любому государству. Тем не менее приверженцы вольного социализма отнюдь не согласны с тем, что время радикальных революционных действий прошло. Напротив, убеждает своих читателей А. А. Карелин, «в историческом процессе...имеется место для большой (то есть социальной. — В. С.) революции» (II. С. 43).

«Мы знаем, конечно, что революции не импровизируются, не могут быть созданы по воле даже могучих организаций. Знаем, что они вспыхивают под влиянием глубоких причин, из которых важнейшей является энергия, накопленная народной массой и не нашедшая себе исхода вне революции. *Если потенциальная энергия очень велика, если она не будет потрачена на свержение государства старобуржуазного типа, то ее стихийный взрыв может снести и государство социалистическое.* И вот, этот взрыв неизбежен в том случае, если ставшее ненужным государство не догадается объявить себя ненужным учреждением и “отмереть” (курсив мой. — В.С.)», — пишет Карелин в 1923 году, повторяя свои же слова пятилетней давности (II. С. 42—43)⁶.

Но если в 1918 году еще можно было питать немалые надежды на третью, анархическую, революцию, то к моменту издания брошюры «Что такое анархия» оснований для оптимизма у анархистов осталось намного меньше. И дело не только в том, что все радикальные революционные эксперимен-

⁶ Народы Европы, добавляет он в другом месте, также, *может быть*, близки к социальной революции (см. II. С. 61).

ты в Центральной и Южной Европе были к указанному времени силовыми методами локализованы и «свернуты», а в Советской России набирал обороты рыночно-госкапиталистический нэп, но и в том, что участники этих массовых социально-революционных выступлений стремились к вольной жизни, которая на самом деле разительно отличалась от анархо-коммунистической модели. Кроме того, даже там, где идейные вроде бы анархисты стали реальной властью в масштабах ряда российских уездов и волостей и получили шанс провести на подконтрольных территориях радикальные либертаристские эксперименты, результаты получались чрезвычайно далекими от «разумно сложившегося общежития» в духе Бакунина, Кропоткина или Карелина⁷. Даже махновщина, с точки зрения анархо-ортодоксов из ВФАК, была лишь отдаленным приближением к подлинному «рабочему социализму!» «Махновское движение, — писал секретарь ВФАК В. Худoley в 1923 году, — дает блестящий пример анархического разрушения, но оно лишено всякого творческого содержания, благодаря глубоко антианархической и совершенно бессмысленной агитации за “вольные советы”. Пример анархического творчества нам еще нужно показать»⁸.

Возникает вопрос: какими источниками питалась столь устойчивая приерженность лидеров ВФАК к историческому оптимизму и антигосударственному революционаризму? Тут мы можем найти лишь косвенные ответы, в частности — в высказываниях близких Аполлону Андреевичу людей, близких по духу и общей либертаристской работе. Так, еще один секретарь ВФАК, А. А. Солонович, интерпретируя развитие послереволюционной отечественной истории в контексте борьбы цивилизаций, в 1924 году пришел к обнадеживающему анархистов выводу, что, «превратив все крестьянство в Вандею, город, большевицкий город победил, и большевики снова меняют фронт для завоевания теперь уже если не симпатий, то, по крайней мере, нейтралитета со стороны крестьянства. Однако победа над деревней досталась большевикам ценой ряда уступок буржуазии, выразившихся в принятии НЭПа. Как бы там ни было, но сломив деревню и снова сделав ее данницей города, большевики не смогли так просто разделаться с НЭПом, и он остается.

...Так завершился полный круг от абсолютизма к абсолютизму — роковой круг всякой власти в России. И из этого круга нет выхода иного, чем отказ от власти... Сумеют ли большевики разбудить гигантскую страну путем постепенного отказа от власти и вовлечения широких масс в дело строительства — покажет будущее, но уже совершенно ясно, что перед ними лежат только и только две возможности — отказ от диктатуры и возрождение страны, или же диктатура до нового переворота, тем более что только отказом от диктатуры и ее последствий можно вновь привлечь пролетариат Запада к Революции, пока отброшенной от нее ужасами этой диктатуры (курсив мой. — В. С.)»⁹.

На фоне столь «неуверенного положения большевиков» апологеты безвластия из молодых и энергичных могли себе позволить оптимистичные планы масштабной организационной работы. «Теперь, — писал в 1923 году

⁷ См., например: Сапон В. П. Русские анархисты в 1917–1918 гг.: опыт участия во власти // Падение империи, революция и гражданская война в России / Сост. С. М. Исхаков. М., 2010.

⁸ Худoley В. О наших разногласиях // Волна. 1923. № 48. С. 32.

⁹ Солонович А. А. Об анархизме и анархистах в русской революции // Волна. 1924. № 56. С. 37.

В. Худолей, — уже недостаточно указаний на пример таких безвластных организаций, как община духоборов, крестьянские коммуны и кооперация. Нам нужен клочок земли, где мы могли бы произвести анархический опыт в большом масштабе... Нам, интернационалистам, безразлично, в какой стране и среди какого народа мы сможем добыть клочок земли со всеми находящимися там орудиями и средствами производства. Будет ли это “в далекой знойной Аргентине”, под синим небом юго-западной Европы или среди задумчивых фьордов холодной Норвегии — все равно это будет нашим родным делом. Лишь бы принцип безвластия был проведен во всей своей чистоте и последовательности и заложены прочные начала свободного коммунизма. Как в отряды Махно со всей России стекались анархические дружины, так и в интернациональном масштабе необходимо организовать взаимопомощь анархистов в борьбе за немедленное создание чисто анархического оазиса среди капиталистической пустыни»¹⁰. Возможно, какие-то иллюзии на этот счет питал и Аполлон Андреевич, хотя в последние годы жизни он вряд ли мог всерьез рассчитывать на свое активное участие в международной антигосударственной революции.

Если же в общих чертах оценить оригинальный вклад Карелина в развитие анархо-коммунистической мысли (ведь в лагере русских анархистов он считался второй величиной после П. А. Кропоткина), то напрашивается вывод, что этот теоретик лишь методично осваивал территории идеологического «материка», уже давно открытого другими. В пользу такого мнения говорят его апологетическое обращение к классическим работам Бакунина, Толстого, Кропоткина и других «апостолов безвластия», использование хрестоматийных «бродячих сюжетов» анархистской литературы (в частности, примеры «анархо-коммунистической» жизни эскимосов, юкагиров, берберов, духоборов и т. п.), вера в мощный творческий потенциал «рабочих физического и умственного труда», в народное вольнолюбие и органическую тягу к самоорганизации, и в то же время неспособность «научно» объяснить причины столь затянувшегося государственного периода в истории человеческого общества. Аполлон Андреевич вводил в оборот свежий историко-эмпирический материал, изобретал новые концепты и термины (например, «вольные социалисты», «институты лицемерия», «интеллигентно-кратическое государство»), «углублял» и поправлял анархо-классиков, однако его теоретическое творчество в целом выглядит не столь уж оригинальным. Молодые соратники Карелина (те же А. Солонович и В. Худолей, работы которых цитировались выше) писали намного интересней и ярче, нежели сам маститый анархо-теоретик.

Приведем в связи с этим удачное высказывание Ивана Хархардина на вечере памяти А. А. Карелина 11 мая 1926 года: «Представляя из себя крупного ученого, знатока политической экономии и истории, *он все свое внимание сосредоточил не на дальнейшей разработке научных проблем, а на популяризации уже добытых результатов.* Это особенно заметно по его работе в последнее десятилетие его жизни. Как популяризатор он стоит очень высоко (курсив мой. — В. С.)»¹¹. ◆

¹⁰ Худолей В. О наших разногласиях. С. 32.

¹¹ Хархардин И. В. Из воспоминаний об А. А. Карелине // Орден российских тамплиеров. Т. 1. М., 2003. С. 55.